

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» в двух отношениях являются источником сведений о культуре и искусстве слова в древней Руси. Во-первых, оно само по себе, как произведение словесное, свидетельствует об искусстве слова, а во-вторых, оно содержит в себе фактические сведения о различных формах словесного искусства.

Кратко рассмотрим «Слово» в этом втором отношении.

Мне уже приходилось писать о культуре устной речи в древней Руси.¹ Основным источником для моих суждений служили летописи. Были выделены следующие типы устной речи: речи, передававшиеся устно через послов, речи воинские, произносившиеся князьями перед битвами, речи на вече и княжеских снечах. Все эти типы устной речи зафиксированы летописными текстами. Было отмечено, что они отличались афористичностью, легко запоминающейся формой, образностью.

«Слово о полку Игореве» подтверждает существование всех типов этих речей. Воинские речи перед выступлением в поход и перед битвой Игоря Святославича и Всеволода Буй Тура удивительно близки к характеру воинских речей, известных по летописи. Речи, обращенные в «Слове» одним князем к другому, находящемуся на далеком от него расстоянии, свидетельствуют о том, что перед нами типичные «посольские речи» — речи, передававшиеся через послов. В частности, как своего рода «посольские речи» могут рассматриваться слова, сказанные Всеволодом Буй Туром Игорю перед выступлением в поход, и обращения Святослава Киевского к русским князьям в его «золотом слове».

Кроме этих типов устной речи, известных и по летописи, в «Слове о полку Игореве» отмечены и другие формы словесного искусства: прежде всего — славы и плачи. Отметим, что славы и плачи в «Слове» хором или в одиночку поют только женщины (Ярославна, девицы на Дунае, готские девы на берегу моря и др.). Это согласуется с тем, что в Радзивилловской летописи в миниатюрах, изображающих пение слав и оплакивания, поют только женщины. Наконец, самое главное из словесных искусств, отмеченных в «Слове», — это искусство княжеского певца Бояна. Боян поет о князьях и он — любимец князя Олега Святославича.

По поводу содержания и формы тех песен, которые пел Боян, имеется обширная литература, и я не буду здесь повторять выводы и догадки отдельных исследователей. Напомню только, что рядом с Бояном на основании одного места «Слова» реконструируется существование и второго княжеского певца, любимца князя Олега — Ходыны. В первом издании

¹ Д. С. Лихачев. 1) Русский посольский обычай XI—XIII вв. — ИЗ, т. 18. М., 1946, с. 42—55; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 114—144.

«Слова» это место читается так: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣс-творца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти». Наиболее вероятная реконструкция этого места следующая: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти». Далее в тексте приводятся слова, сказанные Бояном и Ходыной: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, — Русской земли безъ Игоря». Слова эти в афористической форме оценивают положение на Руси, создавшееся в результате пленения Игоря.

Я думаю, что есть основание заметить в «Слове» существование еще одного певца — княжеского любимца («хоти»). Приведем все интересное нас место по первому изданию «Слова», выделив в нем слова, нуждающиеся в реконструкции: «Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. *И хоти ю на кроватъ, и рекъ*: дружину твою, Княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчужну душу чресъ злато ожереліе».

Наиболее вероятная реконструкция указанного места из всех предлагавшихся следующая: «и с хотию на кров, а ты рекъ: . . .». В этой реконструкции не меняется ни одной буквы — только предлагается иное разделение на слова, чем то, которое было предложено первыми издателями «Слова». Текст же становится вполне осмысленным и подтвержденным всей поэтической системой «Слова», в котором смерть всегда связана с землей и совершается на «зеленой паполоме», «траве», разлившейся крови и пр. Если верно предложенное деление на слова выделенного места, то текст всего пассажа становится совершенно ясен. Княжескими «хотями» в «Слове» несколько ниже, как уже указывалось, названы певцы Боян и Ходына. «Хоть» Изяслава Васильковича — это, очевидно, также его любимый певец («хоть» не может быть женщиной, так как он «ты» — мужского рода, да и далее «хоти» — певцы мужчины: Боян и Ходына).²

Обратим внимание на то, что Боян и Ходына как бы формулируют положение на Руси, создавшееся в результате пленения Игоря. Формулирует положение и один Боян по поводу смерти Всеслава Полоцкого: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути». Так и «хоть» Изяслава Васильковича говорит ему, одиноко умирающему на кровавой траве, о горестной судьбе его дружины, формулируя положение: «дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Певец «хоть» принимал участие в сражении — притрепан вместе с князем на кровавой траве.

Если моя догадка, что «хоть» Изяслава Васильковича — это его княжеский певец-любимец, верна, то перед нами еще одно свидетельство о существовании при княжеских дворах певцов и среди них певцов-любимцев, княжеских «хотей», очевидно принимавших участие в походах своих князей и отлично знавших военное дело.³

Четвертый княжеский певец-любимец — это, может быть, сам автор «Слова о полку Игореве», не случайно сравнивающий свое творение с творением княжеского певца-«хоти» Бояна во вступительной части «Слова». Поскольку княжеские певцы принимали участие в походах, это объясняет неоднократно замечавшееся отличное знание автором «Слова» военного дела и обстоятельств самого похода Игоря.

² Точка зрения на «хоть» как на жену подробно аргументирована А. В. Соловьевым в статье «Восемь заметок к „Слову о полку Игореве“» (ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 377—378). Подробному разбору этого мнения мною будет посвящена особая глава в работе о художественной системе «Слова о полку Игореве».

³ О связи «Слова» со скальдической поэзией см.: Д. М. Шарыпкин. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 14—22.

Княжеские певцы-любимцы, сопровождающие своих князей в походах, явно напоминают скандинавских. Об этом см. ниже в статье В. Г. Адмони и в статье Д. Н. Шарыпкина «Рекъ Боянъ и Ходына...».⁴ Однако, по моему убеждению, перед нами не скандинавская особенность, а общеевропейская. Таким же феодальным певцом был явно и автор «Песни о Роланде». Это особенность феодального быта вообще. Русские же фольклорные элементы в «Слове» явственно свидетельствуют о том, что перед нами типично русское произведение, при этом произведение н а р о д н о е и е с л и , как мы предполагаем, и имеющее общее с европейским творчеством феодальных певцов (ср. соображения А. Н. Робинсона и мои относительно близости «Слова о полку Игореве» к «Песне о Роланде»),⁵ то только в пределах общеевропейского феодального «литературного быта».

⁴ Д. М. Шарыпкин. «Рекъ Боянъ и Ходына...». — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XVIII. Таллин, 1973.

⁵ А. Н. Робинсон. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур. (Типология, оригинальность, метод). — В кн.: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 74—81; Д. С. Тихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 17.